

© 2009 г. К.В. БАБАЕВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ЯЗЫКАХ МИРА

В работе исследуются источники происхождения личных местоимений в языках мира, проводится их типологический анализ и классификация. На основании анализа выдвигается ряд гипотез о происхождении индоевропейских личных местоимений.

Задачей данной работы является дать краткий типологический обзор источников вторичного происхождения личных местоимений, а также путей их трансформации на материале различных языков мира. В статье разрабатывается классификация таких источников и приводятся примеры использования этой классификации для уточнения этимологии личных местоимений при сравнительно-историческом анализе.

В настоящее время общепризнанным является мнение, что местоимения как морфологическую категорию нельзя считать изначальной данностью в языке. Они являются продуктом развития других лексических или морфологических единиц языка. Безусловно, это не всегда может быть показано на синхронном уровне, однако довольно отчетливо проявляется при диахроническом анализе развития морфологической системы языка.

Для того чтобы доказать, что личные местоимения возникают в результате трансформации более древних полнозначных слов, необходимо продемонстрировать и систематизировать источники их происхождения в различных языках мира. При этом мы не задаемся амбициозной целью установить первичное происхождение местоимений как класса слов в языке – это значительно более объемная задача, требующая привлечения данных не только языкознания, но и антропологии, этологии и других дисциплин. Однако следует учитывать, что в процессе развития языка из него выпадают определенные слова, на место которых приходят другие (с теми же значениями). Это происходит и с личными местоимениями, и вопрос заключается в том, что является источником их образования в уже развитом человеческом языке.

Происхождение личных местоимений – вопрос, при изучении которого необходимо привлекать данные как сравнительно-исторического языкознания, так и диахронической типологии. Синтез двух данных дисциплин позволяет классифицировать различные варианты генезиса слов, используемых как местоимения. Такого рода классификация даст возможность делать более точные, типологически обоснованные выводы о происхождении личных местоимений не только в исторически засвидетельствованных языках, но и в праязыках различных семей, что может стать существенным шагом вперед в области лингвистической реконструкции праязыков.

С точки зрения сравнительно-исторического языкознания, вопросам происхождения личных местоимений уделялось некоторое внимание еще с начала девятнадцатого века, в частности, в фундаментальных работах по индоевропейскому языкознанию Ф. Шлегеля [Schegel 1808], Ф. Боппа [Bopp 1833], А. Шлейхера [Schleicher 1861–1862]. Выдвигаемые ими мысли об истоках индоевропейской системы местоимений морфологии носили в основном эмпирический характер, не будучи обоснованными сравнительно-историческим материалом. Наиболее качественный анализ был проведен по вопросу происхождения и развития местоимений третьего лица в индоевропейских языках. Вместе с тем во многих, даже относительно современных работах по индоев-

ропейской сравнительной морфологии К. Уоткинса [Watkins 1969], О. Семереньи [Szémerenyi 1990], Р. Бекеса [Beekes 1995] происхождение личных местоимений первых двух лиц не акцентируется, последние воспринимаются как данность, существовавшая на уровне праязыка.

Привлечение данных внешнего сравнения к изучению индоевропейских языков позволило выдвинуть ряд гипотез, основанных на анализе дальнего родства индоевропейских с другими языками Старого Света. В частности, в работе Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова [Гамкрелидзе, Иванов 1984], как и в других трудах последнего [Иванов 1981], проводится исследование праязыковой системы личных местоимений, основанное в т. ч. на данных других языков, вводимых в состав ностратической макросемьи, прежде всего уральских, алтайских, афразийских. В рамках ностратической гипотезы происхождение личных местоимений в различных языках Евразии исследовали В.М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1971–1976], Л. Палмайтис [Палмайтис 1972], А.Б. Долгопольский [Dolgopolsky 1984], В. Блажек [Blažek 1995a], Дж. Гринберг [Greenberg 2000], А. Bomhard [Bomhard 2003] и другие авторы.

Вопросами происхождения местоимений языков других семей также занимались многие компаративисты. Среди наиболее современных работ можно назвать работы Н.А. Баскакова по тюркским языкам [Баскаков 1981], И.М. Дьяконова [Дьяконов 1967; 1991], В. Блажека [Blažek 1995a; 1995b] и В.Э. Орла [Орел 1990] по афразийским местоимениям, Дж. Кука по языкам Юго-Восточной Азии [Cooke 1968], Й. Хельмбрехта по языкам индейцев Северной Америки и Кавказа [Helmbrecht 1996a; 1996b], М. Сибатани [Shibatani 1990] и О. Исиямы [Ishiyama 2008] по японскому языку. Этими вопросами в разной степени интересуются авторы сравнительно-исторических грамматик языков мира, как, например, М.С. Андронов в области дравидологии [Андронов 1994], Г.И. Рамстедт в области алтаистики [Рамстедт 1957] и другие исследователи.

Недостатком многих работ по сравнительному языкознанию, особенно по дальнейшему сравнению языков различных макросемей, является их пренебрежение данными диахронической типологии, что легко увидеть и на примерах реконструкции праязыковых форм личных местоимений. Так, для ностратического праязыка с помощью сравнительного метода можно восстановить едва ли не десяток форм местоимения со значением «я», как это делает А. Бомхард [Bomhard 2003], при этом их конкретные значения в праязыке не уточняются, и ностратический праязык такого рода автоматически становится виртуальным, обреченным на недоверие серьезных лингвистов. В разное время высказывались самые экзотические гипотезы о происхождении индоевропейских местоимений (так, местоимение **me* 'меня' генетически связывалось с именным суффиксом **-mo-*, куда для убедительности примешивали еще и окончание индоевропейского винительного падежа **-m*). При этом ни сколько-нибудь серьезной этимологической базы, ни типологических параллелей такого рода развития в других языках мира зачастую не приводилось. Между тем Р.О. Якобсон писал в свое время о важной роли типологических данных при сравнительно-историческом анализе и праязыковой реконструкции: «Конфликт между реконструированным состоянием языка и общими законами, которые открывает типология, делает реконструкцию сомнительной... Реалистичный подход к технике реконструкции – это ретроспективный путь от одного состояния к другому и структурное соответствие каждого из этих состояний данным типологии» [Jakobson 1962: 528–529].

В то же время типологическое языкознание в этом вопросе также работает преимущественно «на себя», не проецируя выводы на сравнительно-исторические исследования. Типологией и сопоставлением местоименных систем различных языков мира в последние десятилетия активно занимаются преимущественно ученые американской школы общего и типологического языкознания. Среди наиболее выдающихся трудов в этой области можно назвать работы А. Северской [Siewierska 2004], М. Сисоу [Cysouw 2003], Б. Хайне и Т. Кутевой [Heine, Kuteva 2007], В. Шульце [Schulze 1998], а также более ранние труды П. Форхеймера [Forchheimer 1953] и Э. Бенвениста [Benveniste 1956]. Скрупулезное и детальное исследование диахронического развития личных ме-

стоимений проводит Й. Хельмбрехт в своей работе [Helmbrecht 2004]. В Советском Союзе серьезные исследования типологии происхождения и развития личных местоимений проводились лишь академиком И.И. Мещаниновым [Мещанинов 1945], К.Е. Майтинской [Майтинская 1969; 1974].

Отдельному, масштабному исследованию генезиса личных местоимений, которое охватило бы достижения как сравнительно-исторического, так и типологического языкознания, еще предстоит появиться.

Личные местоимения как грамматический класс (или часть речи) не являются лингвистической универсалией: существует множество языков, где такой части речи нет. Однако необходимо корректно разделять термины «личные показатели» и «личные местоимения»: первые присутствуют во всех языках мира и, безусловно, являются универсалией как грамматическая категория. Ранее ряд исследователей приводили изолирующие языки Юго-Восточной Азии как пример отсутствия показателей лица – прежде всего во вьет-мыонгских, тай-кадайских и ряд бирманских языков, где не только не существует глагольного спряжения по признаку лица, но и нет отдельного класса независимых личных местоимений. Однако современный взгляд на проблему [Siewierska 2004: 247] позволяет взглянуть на независимые личные показатели шире, чем контекст собственно личных местоимений. Отсутствие такой части речи, как местоимение, или такой категории глагольного словоизменения, как лицо, вовсе не означает, что категория лица отсутствует в языке в целом. Она выражается грамматическими или лексическими средствами, большинство из которых и могут впоследствии в ходе развития языка образовать грамматический класс личных местоимений.

Если коснуться вкратце вопроса о первичном происхождении личных местоимений в языке человека, то, анализируя древнейшие стадии развития человеческого языка, можно сделать вывод, что личные местоимения появляются в нем сравнительно поздно – во всяком случае, позже имен и глаголов. Известно, что дети начинают пользоваться личными местоимениями позже, чем другими классами слов (в 2,5–3 года), и для указания на лицо используют личные имена или термины родства [Хакулинен 1953: 68]. Аналогичная особенность отмечена при анализе «речи» приматов: так, человекообразные обезьяны при обучении их элементам языка не употребляют личных местоимений, даже будучи ознакомлены с ними, а стабильно используют вместо этого имена собственные – свое, собеседника или третьих лиц [Heine, Kuteva 2007: 139–140]. Использование личных имен как лексических маркеров лица, заменяющих личные местоимения, отмечается и во многих языках Африки, Австралии, Азии. В арабском языке такого рода замещение характерно в том числе для выражения первого лица: 'Абдул сделает' в значении 'я сделаю'. Таким образом, формирование личных местоимений можно отнести к относительно позднему хронологическому уровню онтогенеза человеческой речи.

В процессе развития языка личные местоимения, однако, демонстрируют поразительную устойчивость. Они входят в состав любого списка базовой лексики языка, и поэтому используются при историческом сравнении языков, праязык которых отстоит от нас более чем на десять тысяч лет. Подобная хронологическая глубина сильно затрудняет определение источника их происхождения в большинстве языков мира. Пожалуй, существует только один обширный географический ареал, где личные местоимения в языке на удивление быстро исчезают, заменяясь новообразованиями – это Восточная и Юго-Восточная Азия. К примеру, индоевропейскому местоимению **me*ne 'меня, мне' никак не меньше десяти тысячелетий, а японскому *watakushi* 'я' – всего лишь несколько веков. Именно поэтому при типологическом анализе источников происхождения личных местоимений языки этого ареала предоставляют наиболее показательный материал.

Ниже проводится анализ основных источников происхождения личных местоимений в языках мира. При этом необходимо учитывать, что в настоящей работе личные местоимения всех трех лиц рассматриваются в едином контексте, что соответствует классическому определению парадигмы личных местоимений. Известно, что суще-

ствуют фундаментальные синтаксические и семантические различия между местоимениями первых двух лиц и местоимениями третьего лица, так что последние довольно часто характеризуются как «не-лицо» [Benveniste 1971]. Однако данное утверждение верно лишь для тех языков, где личных местоимений третьего лица в парадигме просто не существует, вместо них присутствуют другие показатели лица – как, к примеру, указательные местоимения в классической латыни и многих других индоевропейских языках. Мы же в своем анализе будем основываться на языках, где личные местоимения третьего лица прочно входят в парадигму личных местоимений и четко отделены от прочих грамматических категорий.

1. Имя существительное является одним из основных и наиболее распространенных источников генезиса личных местоимений. Во множестве языков мира, среди которых, пожалуй, наиболее убедительными примерами служат языки Восточной и Юго-Восточной Азии, существительные стабильно используются в качестве показателей лица, при этом собственно класс личных местоимений формируется лишь в некоторых из них. В большинстве сино-тибетских, австроазиатских, тай-кадайских языках, а также в японском, корейском и ряде австронезийских языков личные местоимения – даже если они формируют собою четкий морфологический класс – не функционируют в составе парадигмы в том понимании, в котором она известна в индоевропейских или уральских языках. Имен существительных, обозначающих лицо, в пределах одного языка или диалекта может существовать до нескольких десятков, и синтаксически они в речи не различаются.

Градация между такими именами проходит в основном по стилям вежливости. Так, в качестве лексических показателей первого лица в языках Восточной и Юго-Восточной Азии чрезвычайно употребительны существительные с уничижительным значением. Характерны значения «слуга» (индонез. *saya* ‘я’ < малай. *sahaya* ‘слуга’, вьет. *tôi*, *tô* ‘я’ < ‘слуга’), «раб» (ачех *ulon* ‘я’ < ‘раб’, кхмер. *khnum* ‘я’ < ‘раб’), «послушник» (бирм. *dabedov* ‘я’ < ‘королевский послушник’) [Cooke 1968; Shibatani 1990; Helmbrecht 2004]. Эти термины, несомненно, изначально употреблялись при общении с вышестоящим собеседником, ср. русское *Ваш покорный слуга*. Однако большинство из них со временем претерпевает трансформацию и «опускается» до нейтрального или даже просторечного стиля дискурса – как, например, яп. *boku* ‘я’, также этимологически происходящее из лексемы со значением ‘слуга, раб’ [Ishiyama 2008: 197].

После того, как происходит подобная трансформация значения, в языке появляются новые имена, служащие для оформления вежливой речи, подчеркивающие более низкий статус говорящего по отношению к собеседнику. В тайском языке при обращении к монарху и членам королевской семьи использовался показатель первого лица *kraphōm* ‘волос головы’, обозначающий, что собеседник находится столь высоко над говорящим, что у последнего видны лишь волосы почтительно склоненной головы. В настоящее время его сокращенная форма *phōm* употребляется в нейтральной речи, в то время как для почтительного стиля вырабатываются новые показатели. Таким образом происходит довольно быстрое обновление корпуса показателей лица – в китайском языке срок существования такого рода квазимероимений составляет обычно несколько столетий [Иванов, Поливанов 2001: 42–48].

Во втором лице мы видим аналогичную ситуацию. В качестве личных показателей употребляются имена с почтительными значениями: «господин», «хозяин» (бирм. *huyin* ‘ты’ < ‘господин, хозяин’, тай. *naaj* ‘ты’ < ‘хозяин’), «князь» (тай. *câw* ‘ты’ < ‘князь, господин’), «император» (яп. *kimî* ‘ты’ < ‘господин, император’, бирм. *minx* ‘ты’ < ‘король’) [Cooke 1968; Shibatani 1990]. На сегодняшний день все перечисленные лексемы функционируют в языке на нейтральном уровне речи, хотя источники свидетельствуют об их более раннем использовании при обращении к вышестоящим.

Подобное типологическое явление присуще не только языкам Юго-Восточной и Восточной Азии, оно распространено в целом в языках мира. В польском языке слово *pan* ‘господин’ активно используется в вежливой речи в качестве показателя второго

лица. В древнеиндийском в том же значении употреблялось имя *bhavant-* 'Вы' < 'богатый, благодатный' [Майтинская 1974: 98; Mayrhofer 1996: 254].

Очень любопытно семантическое развитие значений такого рода существительных из «почтительных» в «уничижительные» и обратно. Например, в языке ачех слово *tu-wan* 'господин' получило значение местоимения 'я' в вежливой речи: очевидно, что здесь имел место переход значения '2 л. > 1 л.' [Durie 1985: 116–117]. Зеркально обратная ситуация произошла в тайском языке, где местоименное слово *fàabàad* 'Вы' при обращении к членам королевской семьи означает буквально 'подошва ноги', но говорящий с его помощью семантически характеризует не себя, а собеседника [Helmbrecht 2004: 236–237].

Во всех перечисленных примерах речь идет о создании новых квазистоимений из имен существительных для отражения почтительного отношения к собеседнику. Однако это не является единственной причиной перехода именной лексемы в разряд личных местоимений. В языках мира довольно распространено образование местоимений от существительных с нейтральными значениями.

Для всех трех наиболее распространенными такого рода значениями являются «человек» и «тело». Это хорошо видно на примерах самых различных языков. Так, в африканском языке нгити нило-сахарской семьи существительное *alɛ* 'человек' проникло в парадигму личных местоимений в качестве формы 1 л. ед. ч., а также в систему личных префиксов глагола в виде *lɛ- / l-* [Heine, Kuteva 2007: 68–69]. Бирманское *koww* 'я' имеет первое значение 'тело'. В южноамериканском языке вари (Wari) слово *wari* 'человек' обозначает также местоимение 'мы', точно так же, как в аргентинских языках гуайкуру местоимение *qomí* 'мы' образовано от *qom* 'люди' с добавлением аффикса плюральности. Этот южноамериканский шаблон мог повлиять на развитие в бразильском варианте португальского языка, где словосочетание *a gente* 'люди' все чаще употребляется в качестве референции 'мы'. Современное японское общеупотребительное *watakushi* 'я' имеет первое значение '[мое] личное' и в качестве местоимения используется не более нескольких столетий [Ishiyama 2008: 67–73].

Вместе с тем утверждения о том, что с понятиями «тела» и «человека» говорящий отождествляет прежде всего себя самого, неверны. Столь же распространенными являются и производные от лексем с этими значениями во втором и третьем лицах, ср. тай. *tua* 'ты' < 'тело', венг. *taga* 'Вы' < 'тело'. Независимые личные местоимения 2–3 лиц ненецкого языка (*пыдар* 'ты', *пыдара* 'вы', *пыда* 'он') являются по происхождению посессивными формами существительного 'тело' [Cooke 1968; Майтинская 1974: 98]. Местоимения 3 л. мексиканского языка миштек (*Yosondúa Mixtec*) представляют собой грамматикализованные лексемы: *dā* 'он' < *chaa* 'мужчина', *ñā* 'она' < *ñāhā* 'женщина' [Helmbrecht 2004: 384–385]. Образование личных местоимений любого из трех лиц от существительных 'человек' и 'тело' – одно из наиболее распространенных типологических явлений такого рода.

Процесс подобной трансформации, по-видимому, нередко проходит через стадию функционирования лексемы в качестве неопределенно-личного или рефлексивного местоимения.

В первом случае мы имеем развитие типа хрестоматийного французского местоимения *on*, происходящего из лат. *homo* 'человек'. В современном языке оно из неопределенно-личного превратилось в личное местоимение 1 л. мн. ч., все чаще заменяя в субъектных формах привычное *nous* (*on dit* 'говорят' и 'мы говорим'). Определенные следы трансформации такого же рода замечены и для немецкого неопределенно-личного аналога *man* < *Mann* 'мужчина, человек'.

Во втором случае личные местоимения (чаще всего первого лица) образуются из диахронически более раннего местоимения 'сам'. Известно, что одним из наиболее типичных источников генезиса последнего являются именно существительные 'тело' и 'человек'. Это хорошо видно на примерах из алтайских языков: тув. *подум* 'я сам' буквально означает 'мое тело'; маньч. и эвенк. *бэжэ* 'тело' имеет и значение 'сам', употребляясь с личными местоимениями для придания им возвратного оттенка [Суник

1978: 242–252]. Возможно, что цитируемые выше ненецкие местоимения типа *пыдар* ‘ты’ < ‘тело-твое’ прошли тот же путь через рефлексивное значение ‘самость-твоя’ > ‘сам-ты’ > ‘ты’, ср. русское выражение *Как сам?* в значении «как ты поживаешь?». В классическом тибетском языке местоимение *rang* означало ‘сам’, в сегодняшней разговорной речи оно имеет значение местоимения ‘я’ [Парфионович 1970: 82–83].

Между тем говорить о том, что все имена со значением ‘тело’, трансформировавшиеся позже в личные местоимения, проходили стадию неопределенно-личного или возвратного значения, не приходится.

2. Важным подтипом при классификации именного генезиса личных местоимений является их происхождение из сочетания «местоимение + имя» или «имя + местоимение».

Сращивание словосочетаний очень характерно при образовании вежливых форм личных местоимений, преимущественно второго лица. Это типологическое явление присуще многим языкам Европы, где местоимение ‘Вы’ нередко происходит из словосочетания со значением ‘ваша милость’ или ему подобных. Так, широко известным примером является испанское *Usted* ‘Вы’ < *vuestra merced* ‘Ваша милость’, но сравнительно редко в литературе можно встретить примеры кальки этого местоимения в сицилийском диалекте *vossia* ‘Вы’ < *vossignuria* или в бразильском португальском *você* ‘Вы’ < *vossa Mercê*. Еще одним классическим примером является нидерландская форма *U* ‘Вы’ < *Uwe Edelheid* или *Uwe Edele* ‘ваше благородие’ [Howe 1996]¹.

Лексические показатели лица такого рода, не дошедшие до стадии личных местоимений, имеются во множестве языков мира – стоит привести хотя бы русские *Ваша милость* или *Ваше благородие* (в значении второго лица единственного числа) и уже упомянутое выше *Ваш покорный слуга* (в значении первого лица единственного числа).

Интересно, что и формы европейских языков, приведенные выше, спрягаются с глаголом в третьем лице, не потеряв, таким образом, своей исконной связи с существительным. В румынском языке мы видим более позднюю стадию трансформации: вежливые местоимения 2 л. *dumneata* ‘Вы (ед. ч.)’ и *dumneavoastra* ‘Вы (мн. ч.)’, происходящие из словосочетания со значением ‘твое/ваше господство’, уже спрягаются с глаголом в форме второго лица.

Не только вежливые, но и вполне нейтральные формы местоимений могут появляться похожим образом из сочетаний с именами ‘другой (-ие)’, ‘остальной’, ‘все’, ‘люди’. Примеры из европейских языков включают исп. *vosotros* ‘вы’ < ‘вы [и] другие’ и нид. *jullie* ‘вы’ < *gij lieden* ‘вы ребята’. Эти местоимения были образованы всего несколько веков назад для заполнения лакун, образовавшихся в местоименной парадигме после того, как более старые местоимения со значениями 2 л. мн. ч. перешли в разряд вежливых обозначений 2 л. ед. ч. Схожий процесс происходит на наших глазах в разговорном английском языке, где созданная несколько десятилетий назад в США форма *you guys* (букв. ‘вы ребята’) употребляется сегодня и в Великобритании, и в Австралии для обозначения 2 л. мн. ч., отделяя его от вежливого *you*. Другими диалектными формами являются у’алл ‘вы’ < ‘вы все’ на юге США и *you lot* ‘вы-множество’ в Англии [Maynor 2000]. Не лишне также заметить, что в испанском языке создание местоимения *vosotros* повлекло за собой выравнивание ряда местоимений множественного числа с помощью утверждения аналогического новообразования *nosotros* ‘мы’ < ‘мы [и] другие’.

Значения ‘другой’, ‘остальные’ при образовании испанского местоимения 2 л. мн. ч. находят типологические параллели в других языках мира. Так, в тибето-бирманском

¹ Если бы не документы по истории языка, реконструкция происхождения этой формы была бы абсолютно невозможна, что лишний раз показывает, насколько трудной является задача воссоздания праязыковых форм моносиллабических личных местоимений.

языке кая-ли (Kayah Li) на западе Таиланда местоимение 2 л. мн.ч. *si* буквально означает 'и другие' [Solnit 1997: 184].

После того, как мы рассмотрели различные случаи образования личных местоимений от имен и сочетаний с именем, зададим себе очень важный вопрос: являются ли указанные нами слова именами или местоимениями, лексическими или грамматикализованными показателями лица? Ответ на него дать очень сложно, так как, к примеру, в языках Восточной и Юго-Восточной Азии очень редко функционирует система личного спряжения глагола, и потому форма глагола не согласуется с показателями лица. Отсутствие парадигмы личных местоимений не позволяет сказать, к какому грамматическому классу относятся перечисленные выше формы тайского или японского языков. По подсчетам Дж. Кука [Cooke 1968], всего в тайском языке насчитывается 27 лексических форм, используемых для выражения первого лица, и 22 формы для выражения второго лица. Все они ведут свое начало из полнозначных лексических единиц в виде имен существительных или словосочетаний с именем. У немногих лингвистов повернется язык назвать эти лексемы личными местоимениями. В результате во множестве исследований такие формы осторожно называют «лексическими показателями лица» [Siewierska 2004] или «местоименными словами» [Майтинская 1974]. Однако некоторые способы разделения собственно личных местоимений и имен существительных по характерным признакам одного или другого класса существуют.

Важным признаком местоимений играет в первую очередь отнесение лексемы к значению конкретного лица. Например, во вьетнамских грамматиках можно нередко встретить «личные местоимения» *anh* 'ты' или *em* 'я'. Между тем эти лексемы на самом деле являются терминами родства, означают соответственно 'старший брат' и 'младшая сестра' и могут употребляться в значении как первого, так и второго лица. Безусловно, при таком использовании в языке их нельзя назвать личными местоимениями. То же самое, по справедливому замечанию Й. Хельмбрехта [Helmbrecht 2004: 237] можно сказать о вьет. *minh* 'тело, сам', которое широко употребляется во всех трех лицах, хотя Дж. Кук ошибочно классифицирует его как местоимение [Cooke 1968: 112].

В языках, где имеется глагольное согласование личных местоимений, границу между именем в значении местоимения и собственно местоимением можно показать, как мы сделали это несколькими абзацами выше, на примере вежливых местоимений 2 л. испанского и румынского языков. В румынском они согласуются с глаголом во втором лице и, таким образом, стали полноценными личными местоимениями. Испанское *Usted* 'Вы' управляет глаголом в третьем лице. Кроме того, *Usted* обнаруживает свой именной характер и в том, что образует вполне типичную для существительных форму множественного числа *Ustedes* 'Вы (мн. ч.)', как и яп. *watakushi*, имеющее форму плюралиса со стандартным именным аффиксом *-tachi*.

В языках, где личные показатели продолжают сохранять черты полнозначных именных лексем, довольно часто существует противопоставление личных местоимений по роду (или полу). Эта корреляция типична для языков азиатского ареала: к примеру, бирм. *tuataq* 'я' используется исключительно женщинами и буквально означает 'рабыня'.

По сравнению с такими квазимерами вперед по шкале грамматикализации продвинулись личные местоимения, прошедшие трансформацию из первоначально полнозначных именных лексем через показатели именных классов. Это явление мы можем наблюдать в африканских и ряде американских языков – то есть в тех ареалах, где и сохранилась грамматическая категория класса имени. Известно, что показатели именных классов происходят из некогда полнозначных имен. В то же время они нередко демонстрируют анафорическое значение и в этом качестве образуют личные местоимения третьего лица: к примеру, в африканском языке занде (семья убанги нигеро-конголезской макросемьи) в третьем лице засвидетельствованы независимые местоимения *kó* 'он' < **ko* 'мужчина' (занде *ko-mba* 'мужчина'), *ni* 'они' < **ni* 'человек', *he* 'оно' < 'вещь' [Heine, Reh 1984: 224]. Многочисленные классификаторы, свойствен-

ные банту, в ряде языков этой семьи перешли в разряд личных местоимений третьего лица и употребляются фактически параллельно с ними [Helmbrecht 2004: 387–388]. Именные классификаторы используются в качестве личных местоимений и в языках майя [Siewierska 2004: 248–249]. Подобное развитие можно назвать еще одним, пусть и «окольным», путем превращения имени в личное местоимение.

3. Утверждения о том, что основным источником личных местоимений в языках мира являются местоимения указательные, весьма часто встречается в литературе (ср. [Heine, Kuteva 2007: 87]). Эту точку зрения нельзя назвать верной хотя бы в силу чрезвычайно широко распространенного именного происхождения личных местоимений, о котором мы говорили выше, однако демонстративы действительно могут являться материалом для формирования личных местоимений. Это логически объяснимо, если учитывать, что личные местоимения по своей семантике довольно тесно связаны с понятием дейксиса: говорящий отождествляет себя с понятием ‘здесь’ (ср. англ. выражение *this country* в значении ‘наша страна’), собеседник по отношению к нему находится в относительном отдалении, а третье лицо, как правило, удалено еще больше. Эта корреляция приводит к семантическому сходству противопоставления трех лиц местоимений и наиболее распространенной в языках мира трехзначной модели указательных местоимений: ‘этот’, ‘тот, вблизи’, ‘тот, далеко’. Анафорическое употребление последних ведет их к грамматикализации в виде личных местоимений третьего лица.

Употребление древних указательных местоимений для формирования местоимений третьего лица – типичная черта индоевропейских языков (что, видимо, и послужило причиной возведения этого явления едва ли не в ранг универсалии). Очевидно, что в индоевропейском праязыке, как и во многих современных языках мира, парадигма личных местоимений состояла из двух лиц, в то время как третье лицо выражалось существительными или указательными местоимениями. В баскском языке, к примеру, любое указательное местоимение может быть употреблено в значении ‘он’ или ‘она’. Маркированность третьего лица в системе личных показателей видна и в индоевропейском глаголе, где третье лицо нередко имеет нулевое окончание: это то самое «не-лицо», о котором говорилось выше. Однако на более позднем уровне развития индоевропейских языков личные местоимения третьего лица начинают появляться. Хрестоматийные примеры преобразования латинских *ille, iste* в личные местоимения 3 л. различных романских языков хорошо известны. Немецкое *er* и английское *he*, конечно, также происходит из индоевропейского указательного **is* ‘этот’ [Lehmann 1995: 39], а старославянское *онъ* имеет первое значение ‘тот, вдалеке; оный’. Эти и другие примеры, являющиеся отчасти, безусловно, следствием ареальных контактов индоевропейских языков между собой, заставляли ряд неограмматиков сравнивать все индоевропейские личные местоимения с дейктическими маркерами: греч. *εμός* ‘мой’ с др.-инд. *amañ* ‘этот, здешний’, а общеиндоевропейское **te* ‘тебя’ с основой указательного местоимения **to-* ‘этот, тот’ [Brugmann, Delbrück 1916: 306–307; Савченко 1960: 12–13]. В индоевропеистике хорошо известна гипотеза об общем происхождении номинативного местоимения первого лица ед. ч. **eg’hōm/*egō* из дейктической частицы **ghe/o* с личным глагольным окончанием. Все эти гипотезы, скорее всего, неверны.

Вместе с тем, безусловно, вне индоевропейской семьи данный механизм – использование дейктических маркеров для формирования местоимений третьего лица – имеет широчайшие параллели в языках мира. Древнеегипетское дейктическое *rw* ‘этот’ использовалось также в качестве общего местоимения 3 л. ‘он, она, оно, они’. Семитские местоимения 3 лица прослеживают очевидное происхождение из указательных частиц [Гранде 1972: 203]. В лезгинском языке местоимение *am* ‘он, она, оно’ является по происхождению демонстративом *a* ‘тот’, снабженным маркером абсолютива [Heine, Kuteva 2007: 88].

Случаи трансформации указательных местоимений в личные для второго лица встречаются значительно реже – хотя, тем не менее, встречаются. Можно назвать ин-

донезийскую форму *di-situ* 'ты' < 'тот' (в другом австронезийском языке – муна – *ihintu* 'ты'), сингальское местоимение *ouā* 'ты' < 'тот', тай. *nii* 'ты (жен.)' < 'этот'.

И уж совсем уникальными можно назвать случаи перехода демонстративов в местоимения первого лица. Многие тюркологи сравнивали турецкие личные местоимения с тремя степенями градации демонстративов: *ben*, *sen*, *o* и *bu*, *şu*, *o*, соответственно. Н.А. Баскаков выводит первые из форм родительного падежа последних: **bul* 'этот, у меня' > **bu-nu* 'этого, это нечто' > **ben* 'я' [Баскаков 1981: 62–63]. Однако, хотя материальное сходство между парадигмами личных и указательных местоимений очевидно, влияние могло идти и в другую сторону: ср. схожую ситуацию в мальдивском (дивехи) и сингальском языках, где ближайшие указательные местоимения имеют формы *mī*, *mē* 'этот' – возможно, созданные по аналогии с личными местоимениями и соседней формы дивехи *tī* 'тот' [Cain, Gair 2000].

Аналогическим воздействием объясняется и удивительное превращение итальянского наречия *cī* 'здесь' в объектную форму местоимения 1 л. мн. ч. 'нас, нам'. Этот переход объясняется наличием в языке двух омофоничных слов *vī* 'там' из лат. *ibi* и *vī* 'вас' из лат. *vos*. В сознании говорящего эти лексемы были отождествлены, и поэтому *cī* 'здесь' (из лат. *esse hic* 'вот это') по аналогии вытеснило исконное личное местоимение (которое, исходя из лат. *pos*, по идее, должно было звучать **nī*).

Вместе с тем нередко личные местоимения первого лица генерируются если не из чистых дейктических маркеров, то из имени, снабженного демонстративом. Это явление подробно описано для армянского языка, где указательные аффиксальные местоимения *-s*, *d*, *-n* семантически весьма близки личным показателем и, к примеру, слово *ter-s* 'этот господин' употребляется в значении местоимения 'я' [Brugmann 1904: 43]. Наиболее широко засвидетельствованными источниками образования личных местоимений по такой схеме являются сочетания типа 'этот человек', 'эта сторона' для первого лица (яп. *kono ho*, *kochira* 'я' < 'эта сторона'), 'тот человек' и 'та сторона' для 2–3 лица (яп. *sono ho*, *sochira*, *anata* 'ты, Вы', ачех *gor-nyan* 'он' < 'тот другой человек', авукая *gUlá* 'он' < 'тот человек') [Бюлер 2000: 125; Siewierska 2004: 248].

Это явление можно увязать с уже описанными выше переходами именных лексем и сочетаний с ними в категорию личных местоимений.

4. Личные местоимения часто кристаллизуются в языке путем грамматикализации старых финитных глагольных форм. Это явление связано с постоянным диахроническим процессом обновления системы личного маркирования: композитные конструкции, состоящие из глагола и личного аффикса, заменяют собой независимые личные местоимения. Как правило, в качестве глагольной основы в таких композитах выступают спрягаемые формы вспомогательного глагола 'быть' («copula verb» в западной литературе), оформленного старым показателем лица.

Семантическое значение таких новообразований первоначально схоже со значением главного предложения в сложноподчиненной конструкции типа 'это [есмы] я, который...'. Впоследствии данная фраза сращивается в форму со значением независимого личного местоимения, а глагол придаточного предложения начинает играть роль основного сказуемого в предложении. В западноафриканском языке бокобару (семья манде ниегро-конголезской макросемьи) независимые эмфатические личные местоимения состоят из личного префикса и сращенного с ним бывшего вспомогательного глагола:

1 л. ед.ч.	<i>ma-mbé</i>	1 л. мн. ч.	<i>wá-mbé</i>
2 л. ед.ч.	<i>0-mbé</i>	2 л. мн. ч.	<i>á-mbé</i>
3 л. ед.ч.	<i>à-mbé</i>	3 л. мн. ч.	<i>áâó-mbé</i> [Jones 1998: 141]

Подобное явление свойственно также многим языкам афразийской семьи. В частности, известны парадигмы личных местоимений нескольких омотских языков, построенных таким образом [Bender 2000] (хотя в каждом случае используется различный вспомогательный глагол, что не позволяет реконструировать данное явление на праомотском уровне).

Другой пример относится к области исторического языкознания. Независимые местоимения прямого падежа афразийских языков возводятся к единым праформам (напр., аккад. *'an-āku* 'я', *'an-tī* 'ты' и пр., др.-егип. *in-k* 'я', ташельхит *nki, nək* 'я') [Дьяконов 1967: 222–225]. Так как в суффиксальных местоимениях засвидетельствованы формы типа семитского **-āku* в значении первого лица (аккад. *gašr-āku* 'я сильный'), установлено, что общеафразийское независимое местоимение 1 л. ед. ч. **ʔn-āku* состоит из двух частей: собственно местоименной основы и препозитивной частицы **ʔan-*. Частица эта присутствует при местоимениях почти во всех группах афразийских языков, выступая в виде *'an-* в семитских, *n-* в берберских, *in-* в древнеегипетском, *'an-* / *'a-* в кушитских и, возможно, также (*'a)n-* в чадских языках [Blažek 1995b]. В.Э. Орел [Орел 1990: 54] убедительно доказал, что она является основой субстантивного глагола, который сохранился в афразийских языках и в своем прямом значении 'быть' [Гранде 1972: 234–235]. Можно сделать вывод, что независимое местоимение в афразийских языках происходит из старой глагольной словоформы, где личные суффиксы присоединяются к основе т. н. *verbum substantivum*.

Аналогичные явления зафиксированы в ряде языков Америки, в айнском языке [Siewierska 2004: 257–259]. Возможно, к тому же типу приближается современный ирландский язык, ср. предложения типа *táim a foghlaim* 'я учу', букв. 'я-есть в обучении'.

Одним из наиболее известных (и в высшей степени дискуссионных) исторических примеров, который мог бы генетически соответствовать указанным случаям, является уже упомянутое выше индоевропейское личное местоимение первого лица ед. ч. в им. п. **eg'hom / eg'ō*. Затемненность его происхождения позволила выдвинуть, в частности, гипотезу о том, что по структуре данное местоимение является древней глагольной формой, образованной при помощи нормальных личных окончаний 1 л. – соответственно, атематического **-m* и тематического **-ō*, различных по диалектам. Впрочем, эта гипотеза для индоевропейского местоимения не может быть подтверждена, пока не определено синтаксическое значение смыслового глагола данной формы, который в индоевропейских языках нигде более не засвидетельствован. Но изолированность образованной таким методом формы только 1 л. ед. ч. не является уникальной: в некоторых омотских языках от вспомогательного глагола образованы формы только 1 л. ед. ч., остальные формы парадигмы имеют иное происхождение [Bender 2000: 77].

Хотя мы говорим о независимых личных местоимениях, можно добавить, что спрягаемые глагольные формы часто являются источником и связанных показателей лица. Типичный пример такого рода – польский язык, где спрягаемая глагольная форма перфекта происходит из древнего сочетания причастия на **-l-* с личной формой вспомогательного глагола 'быть'. Сращивание этих двух изначально обособленных синтаксических элементов в конструкцию типа *padłeśm* 'я упал' – один из многочисленных примеров аналогичного развития старых аналитических видо-временных форм во флексивные личные конструкции в новых индоевропейских языках как Европы, так и Азии.

5. Наконец, необходимо отметить большое количество засвидетельствованных случаев, когда источниками возникновения личных местоимений становятся другие личные местоимения.

Наиболее типичным случаем здесь, конечно, является т. н. *majestic 'we'*, использование местоимения 1 л. мн. ч. в значении единственного числа в речи царствующих особ: «Мы, Екатерина, Божьей милостью императрица...». Практика такого перехода широко распространилась на рубеже Средних веков и Нового времени по Европе. Другой общеевропейской инновацией, распространившейся в последние столетия едва ли не по всему миру, является замена в вежливой речи старого местоимения 2 л. ед. ч. на местоимение 2 л. мн. ч., т.е. использование 'Вы' со значением 'ты' (знаменитая формула *T–V*, происходящая изначально, по-видимому, из французского языка). При этом для различения 'вы' и 'Вы' нередко создаются новые формы 2 л. мн. ч.

Вежливые формы создаются не только из старых местоимений 2 л. мн. ч. Их источниками могут быть и формы 3 л. ед. ч. (нем. *er* 'Вы' < 'он' в языке XVII–XIX веков), и 3 л. мн. ч. (в современных датском, итальянском, хинди, тагальском языках), и даже 1 л. мн. ч. (в айнском языке и языке науатль) [Helmbrecht 2004: 357–360].

Существуют и примеры такого рода из нейтрально окрашенной речи. Так, в разговорном турецком языке местоимение *biz* 'мы' иногда используется в значении 1 л. ед. ч., что приводит к образованию инновации *bizler* 'мы' с обычным аффиксом плюральности [Helmbrecht 2004: 254].

Парадигма личных местоимений – единый механизм, в рамках которого нередко диахронические процессы аналогического воздействия – как по «вертикали», т.е. по формам разных лиц, так и по «горизонтали», т.е. по формам разных чисел тех же лиц. Нередки случаи и взаимодействия форм разных падежей. В результате такого воздействия происходит выравнивание системы, и старые местоимения вытесняются либо своими «соседями» по парадигме, либо новообразованиями, созданными по образу и подобию этих «соседей».

В индоевропейских языках этот процесс виден довольно часто. В латинском языке форма косвенных падежей *vōs* 'вас' вытеснила форму прямого падежа по аналогии с *nōs* 'мы' [Тронский 2001: 197]. В среднеперсидском языке личное местоимение номинатива *az* (< др.-перс. *adam* 'я') было вытеснено косвенной формой *man* (< др.-перс. *mana* 'меня') в целях парадигматической унификации [Серебренников 1970: 242], и аналогичный процесс выравнивания происходит во множестве языков семьи, от кельтских до индоарийских. Типологическая параллель обнаруживается и в языках алтайской семьи, где, к примеру, почти все тюркские языки демонстрируют личное местоимение 1 л. ед. ч. *ben / men*, и лишь чувашская форма *erĕ* позволяет установить, что исконное значение формы **ben* – косвенный падеж. Существуют и примеры обратного процесса – когда прямая форма местоимения вытесняет косвенные.

6. В литературе описаны некоторые другие, менее распространенные и, по-видимому, единичные случаи происхождения личных местоимений от иных лексических единиц. Й. Хельмбрехт описывает пример образования местоимения 3 л. в чадском языке гидер из глагола 'сказать' [Helmbrecht 2004: 390]. Впрочем, форма этого местоимения *na* перекликается с многими другими языками, как чадскими, так и другими афразийскими, что не дает возможности четко постулировать ее происхождение.

Еще одним интересным случаем является генезис местоимения из эвиденциального маркера: в литературе описаны случаи из тибетского языка и родственного ему невари. В этих языках действует категория эвиденциальности, проводящая четкое различие между говорящим (*locutor*) и остальными участниками речевого акта. Аффикс, определяющий говорящего, близок по синтаксическому употреблению в значении местоимения первого лица. Схожие конструкции находят в южноамериканских языках ава-пит и туюка [Siewierska 2004: 260–261].

Однако эти и другие случаи (иногда и перфективный маркер может непостижимым, казалось бы, образом стать личным показателем) можно назвать маргинальными – они заслуживают упоминания, но либо еще недостаточно исследованы, либо не являются сколько-нибудь распространенными в известных языках планеты.

7. Генетическое происхождение личных местоимений из других лексем данного языка не является универсальным. Необходимо рассмотреть вопрос о заимствовании как одном из нелексических способов появления в языке новых личных местоимений.

Мнения лингвистов по этому вопросу широко расходятся. Часто высказывается точка зрения, что личные показатели вообще (и местоимения в частности) почти никогда не заимствуются [Nichols, Peterson 1996]. По мнению К.Е. Майтинской, местоименные слова (т.е. местоимения и их производные) образуют как бы музей языка: они почти не заимствуются и сохраняют в своем составе следы древних звуковых изменений, исчезнувших падежных и словообразующих формантов, способов редупли-

кации и словосложения [Майтинская 1964: 3]. Эта точка зрения делает личные местоимения одним из столпов сравнительного анализа.

Более современная позиция основана на ряде фактов несомненного заимствования личных местоимений – более того, чем глубже исследуются языки мира, тем больше таких фактов обнаруживается, что служит для противников теорий дальнего родства солидным аргументом при отрицании генетической связи между личными местоимениями, например, различных ностратических языков [Campbell, Poser 2008]. В каждом случае, впрочем, заимствование личных местоимений имеет свое объяснение, и системным это явление назвать в любом случае не получается.

Основной корпус такого рода данных может быть почерпнут из языков, заимствующих отдельные личные местоимения из близкородственных идиомов. Так, английский язык воспринял в древнеанглийскую эпоху скандинавское местоимение 3 л. мн. ч. *they*, дравидийский язык колами – местоимение 2 л. ед. ч. *niv* из древнего телугу (ставшее позже в колами и связанным маркером 2 л. ед. ч.). Никарагуанский язык мискито (семья мисумальпа) заимствовал местоимения 1 л. *yaŋ* и 2 л. *taŋ* из северного суму, соседнего языка той же семьи [Siewierska 2004: 274]. Существует множество примеров заимствования отдельных местоимений из соседних языков Африки, Латинской Америки, Новой Гвинеи.

Заимствования из языков, принадлежащих другим семьям, в языках мира крайне редки – можно сказать, единичны. Тем не менее такие примеры тоже приводятся исследователями. Так, микронезийский язык чаморро использует местоимение 1 л. ед. ч. *yo*, заимствованное, как полагают, из испанского [Topping 1973: 107]. Малайский диалект острова Амбон использует местоимение 2 л. ед. ч. *ose*, имеющего португальское происхождение. Интересное явление зафиксировано в тайском языке: здесь в качестве личных местоимений в просторечном языке используются англицизмы *?aj* ‘я’, *juu* ‘ты’ и китаизмы *?iá* ‘я’ и *lúy* ‘ты’ [Cooke 1968: 11–12].

Для объяснения этих и подобных примеров нужно, впрочем, отметить два факта: во-первых, нередко заимствованные формы используются исключительно в определенном социалингвистическом контексте (напр., тайские китаизмы – в беседе с торговцами и официантами каитайского происхождения), во-вторых, ареал Юго-Восточной Азии, как уже говорилось выше, уникален тем, что здешние языки используют до пятидесяти личных местоимений и обновляют их с поразительной скоростью, в результате чего эта категория является абсолютно открытой для новообразований, в т.ч. и заимствований. Вьетнамские заимствования из французского *toa* и *toa* [Cooke 1968: 114] объясняются аналогично.

Социалингвистическую подоплеку, видимо, имеют примеры заимствования местоимений в языках Новой Гвинеи. Так, в трех территориально смежных, но не близкородственных папуасских языках иатмул, камбот и мияк местоимение *win* означает соответственно ‘я’, ‘ты’ и ‘он/она’; в то же время в иатмул находим *puin* ‘ты (женщина)’, в камбот *ñi* ‘я’ [Lausock, Z’Graggen 1975: 732, 737]. Такое положение вряд ли можно объяснить иначе как именно заимствование, основанное на принципе социалингвистической аккомодации к речи собеседника.

Другие примеры такого рода могут иметь в качестве первопричины пиджинизацию языка. Приведенный выше пример языка чаморро, ставший хрестоматийным как образец заимствованного местоимения ‘я’, активно используется в литературе, но следует помнить, что народ чаморро, проживающий на острове Гуам, был практически полностью истреблен испанцами в XVII–XVIII веках, нынешние чаморро – это метисы от браков островитян с испанскими колонистами, и их язык использует в основном испанскую лексику. Известно этрусское местоимение *mi* ‘я’, возможно, заимствованное из латыни в тот период, когда распад этрусского языка был уже свершившимся фактом, и население использовало подобие этрусско-латинского пиджина. Типологически именно пиджин заимствует из языка-лексификатора личные местоимения в форме косвенного падежа в значении именительного: ср. ток-писин *mi* ‘я’ < англ. *me* ‘меня’, кяхтинское (русско-китайское) *моя* ‘я’. Папуасские формы местоимений, за-

имствованные из соседних австронезийских языков [Vooghoeve 1982], могут относиться к примерам такого же рода, учитывая, что австронезийские языки Папуа нередко используются в качестве межплеменного койне [Леонтьев 1974].

Является ли установление фактов заимствования личных местоимений препятствием для их особой роли при сравнительно-историческом анализе? Очевидно, что нет. Случаи такого заимствования явно носят единичный характер, нередко объясняются уникальными социолингвистическими обстоятельствами и ни в коем случае не могут быть названы типичными. Мы можем назвать десятки – быть может, сотни – случаев заимствования именных и глагольных лексем из стословного списка Сводеша, при всего лишь пяти-десяти случаях восприятия языком заимствованных личных местоимений. Более того, если одиночные местоимения еще могут подвергаться замене заимствованиями, примеров заимствования, даже частичного, местоименной парадигмы в целом в языках мира не засвидетельствовано. Именно поэтому, например, присутствие в индоевропейских, уральских, алтайских языках модели **mV – *tV* для местоимений первых двух лиц является одним из обоснований гипотезы генетического родства между ностратическими языками.

Подводя итог проведенному анализу, мы попытаемся суммировать наиболее распространенные источники происхождения личных местоимений в языках мира в таблице 1.

Таблица 1

источник	лицо	примеры исходных значений	примеры языков
имя существительное	1 л.	<i>сам, человек, тело (> сам), люди, раб, слуга</i>	японский, кхмерский, вьетнамский, французский, вари, нгити
	2 л.	<i>человек, тело, люди, господин, хозяин, остальной</i>	польский, тайский, бирманский, японский
	3 л.	<i>человек, вещь, остальной, и другие</i>	занде, миштек
имя + личное местоимение	1–3 л.	<i>тело мое (1 л.) Ваша милость (2 л. ед. ч.) вы все, вы люди, вы-другие (2 л. мн. ч.)</i>	испанский, румынский, японский, английский, ненецкий
имя + указательное местоимение	1–3 л.	<i>этот господин (1 л.), его благородие (3 л.)</i>	армянский, японский
указательное местоимение	3 л.	<i>этот, тот</i>	индонезийский, сингальский, итальянский
глагольная связка + личное местоимение	1–3 л.	<i>это [есть] я, который... (1 л.)</i>	афразийские, айнский
другое личное местоимение	1–2 л.	<i>мы > я вы > ты он, она, они > Вы</i>	немецкий, турецкий, хинди, тагальский
заимствование из другого языка	1–3 л.		чаморро, английский, ятмул, тайский, вьетнамский

Такой анализ важен не только для понимания типологических закономерностей в языках мира. Гораздо важнее его роль при сравнительно-историческом языкознании, где местоимения традиционно служат одним из краеугольных камней морфологиче-

ского сравнения. Языков, где мы можем легко отследить происхождение личных местоимений, не так уж много: в большинстве своем это те языки, где обновление корпуса личных показателей происходит в пределах нескольких столетий (это прежде всего уже упоминавшиеся языки Юго-Восточной и Восточной Азии). В таких языках, как индоевропейские, где личные местоимения существуют в практически неизменном виде в течение тысячелетий, их происхождение сильно затемнено, и его исследование требует скрупулезного анализа. Типология в данном случае может подсказать, «где искать» возможные источники происхождения личных местоимений.

В качестве примера возьмем основное индоевропейское личное местоимение 1 л. ед. ч. (косвенную форму) **me*. Исследователи дальнего родства языков сравнивают ее с другими схожими формами языков ностратической макросемьи: алтайскими **bi*, **mäñ*, картвельским **men*, уральским **mV*. Реконструируемая ностратическая праформа может иметь вид **mV*, где гласный сложно поддается восстановлению [Бабаев 2008: 93–113]. В то же время для ностратического праязыка также восстанавливается лексема *mVn-* ‘человек, мужчина’ (ср. и.-е. **manu-* ‘человек’, финно-угор. **mañćV* ‘мужчина, человек’, дравид. **man* ‘мужчина, муж’, афраз. *mVn-* ‘мужчина’) [ND 2008: 1422; Иллич-Свитыч 1971–1976: 21; Rédei 1988: 866–867]. Версия о выведении личного местоимения из имени со значением ‘мужчина’ соответствует типологическому шаблону, широко применяемому в самых различных языках мира. Следовательно, данная связь по крайней мере заслуживает тщательной проработки с помощью сравнительно-исторического метода.

Происхождение других индоевропейских местоимений – **tū* / **t(w)e* ‘ты’, **wei-* / **wes* ‘мы’, **nos* ‘нас’, **uī-* ‘вы’ – также сильно затемнено. На внутреннем индоевропейском материале происхождение большинства из них не может найти объяснения просто потому, что образовались они еще на доиндоевропейском уровне, в ностратическом праязыке или даже ранее. Их исследование, таким образом должно включать анализ и других семей языков, относимых к ностратической макросемье. Индоевропейским новообразованием, по-видимому, является из них лишь **wei-* / **wes*, которое вполне надежно может быть возведено к числительному «два». Это объяснение базируется на следующем.

В индоевропейских языках не зафиксировано ни одного личного местоимения единственного числа, восходящего к показателю на **w-*. Весь материал относится к формам двойственного (с основой **wē-*) и множественного (с основами **wei-* / **wes*) числа, что дает объективную возможность реконструировать значение первого лица не-единственного числа для этого индоевропейского корня.

Индоарийская форма личного местоимения номинатива двойственного числа *vām* < **wēt* ‘мы двое’ дополняется формой множественного числа др.-инд. *vayam* < **weiom*. В косвенных падежах используется основа от показателя **ne* / *o*. Глагольные окончания др.-инд. дв. ч. *-vas* (первич.) и *-va* (вторич.), *-vahi* / *-vahe* (средний залог) свидетельствуют о праформе **we-*. Этим данным соответствуют древнеиранское (авестийское) местоимение дв. ч. в им. п. *āvat*, мн. ч. авест. *vaēt*, др.-перс. *vayam*, а также глагольные аффиксы авест. дв. ч. *-vahi* (первич.), *-va* (вторич.).

В германских и балтийских языках форма двойственного числа личного местоимения образована слиянием основы **we-* с числительным **dwo* (гот. *wit*, лит. жемайт. *vedu*) и является новообразованием. В глагольной системе балтийских языков *-va* является маркером 1 л. дв. ч.

Во множественном числе германские языки показывают **weis* в номинативе (но не в других падежах). Наряду с индоиранскими эта форма – единственная, позволяющая реконструировать индоевропейскую основу **wei-* наряду с **we-*.

В славянских языках существует форма номинатива местоимения ст.-слав. дв. ч. *vě* < **wē* (косвенные падежи образованы от **ne* / *o*), а также глагольное окончание дв. ч. *-vě*. Во множественном числе употребляются показатели **tu* (в номинативе) и *na-* < **no-* (в косвенных падежах).

В хеттском языке основным местоимением 1 л. мн. ч. является *wes* (иероглифическое лувийское *waza*? [Meriggi 1980: 317]), в косвенной основе находим рефлекс показателя **ne/o*. В качестве родственной формы в системе глагола можно назвать хеттское окончание 1 л. мн. ч. *-weni*, палайское *-wani*. Его интересно сравнить с формами двойственного числа других индоевропейских языков, особенно с учетом широко цитируемой хеттской глоссы *šaku-wa* 'глаза', в которой видят отголоски (или зачатки?) двойственного числа в анатолийских языках. При наличии параллельного *-men(i)* в системе глагола окончания *-wen*, *-weni* могут свидетельствовать о следах дуалиса в хеттском [Иванов 1981: 17–18].

В тохарских языках **wo-* формирует формы независимых местоимений двойственного (в тохарском В) и множественного числа. В двойственном числе мы видим тох. В *wene* с аффиксом дв. ч. *-ne*, в тохарском А *wi* или *we*, т.е. просто числительное «два» в роли местоимения дв. ч. Во множественном числе оба языка возводят свои формы к **wes*. В тохарском глаголе также засвидетельствовано окончание 1 л. ед. ч. претерита *-wā*, которое Д. Адамс реконструирует на пратохарском уровне как перфектный аффикс **-wā* [Adams 1988: 57], хотя более правильной фонетической реконструкцией было бы **-wā* (С.А. Бурлак, устное сообщение).

В связи с тохарским материалом необходимо отметить, что с личным местоимением **we-* можно сравнить ряд глагольных форм первого лица различных индоевропейских языков на **-u-* / **-w-*. Речь, в частности, идет об анатолийских формах настоящего времени типа лувийского 1 л. ед. ч. настоящего времени *-wi*, в ликийском *-u/-v*. Эти формы уже довольно давно сравнивали с тохарским претеритным окончанием 1 л. ед. ч. *-wā*, которое, в свою очередь, может быть генетически родственным латинскому перфектному окончанию 1 л. ед. ч. *ui* / *-vi*, др.-инд. перфекту 1 л. ед. ч. *-u* и албанскому аористу на *-va* [Иванов 1981: 48], а также литовским формам прошедшего времени на *-au*.

Однако именно сравнение этих окончаний не позволяет выделить в них показатель первого лица **we-* по причине того, что **-w-* явственно проявляется и в других лицах: в латинском окончания перфекта содержат *-v-* во всей парадигме, а в древнеиндийском перфектная форма типа *raprāu* 'наполнил' означает и первое, и третье лицо. Кроме того, в перечисленных примерах (кроме лувийского) **-w-* явно тяготеет к не-презентным видо-временным конструкциям.

Лувийская форма может рассматриваться как контаминация **-u-* и показателя актуальности **-i* (он присутствует во всей парадигме), где первый может быть выведен из индоевропейского **-ō*. Это окончание в данном контексте сравнивается с хетт. претеритным *-un*, ликийским и лидийским *-u* / *-v* [Семереньи 1980: 262–263].

В этой связи представляется более обоснованным опираться на другие гипотезы о происхождении глагольного **-w-* / **-u* в не-презентных формах. В. Краузе полагал, что сонант **-u-* мог образоваться чисто фонетически перед перфектным показателем **H*, в качестве модели мог выступать глагол **bhū-*: лат. *fuī* < **fuvai*. Под влиянием таких форм возникает перфект латинских каузативов типа *monui*, *doui* [Krause 1955].

Г. Шмидт, отрицая фонетическую гипотезу происхождения **-u-*, считает этот элемент маркером «не-презентности» и сравнивает его с указательным местоимением, к которому восходят скр. *asau* 'тот', слав. *ovъ* [Schmidt 1984]. Этой точки зрения придерживается и К.Г. Красухин [Красухин 2004: 110–111]. Вероятнее всего, глагольное **-u* / **-w-* с местоименным показателем лица связано не было.

Итак, систематизируя вышесказанное, мы получаем следующую таблицу соответствий:

языки	форма местоимения	форма глагольного аффикса
анатолийские	хетт. мн. ч. <i>wes</i>	мн. ч. <i>*-wen(i)</i>
индоарийские	дв. ч. <i>*(e)wēm</i> , мн. ч. <i>*weṛom</i>	дв. ч. <i>*-we(s)</i>
иранские	дв. ч. <i>*e-wem</i> , мн. ч. <i>*weṛom</i>	дв. ч. <i>*-we-</i>
германские	гот. дв. ч. <i>wit</i> < <i>*we-dwo</i> , мн. ч. <i>*weis</i>	
балтийские	лит. дв. ч. (жемайт.) <i>vedu</i> < <i>*we-dwo</i>	лит. дв. ч. <i>-va</i>
славянские	ст.-слав. дв. ч. <i>vě</i> < <i>*wē</i>	ст.-слав. дв. ч. <i>-vě</i>
тохарские	дв. ч. <i>*we-</i> , мн. ч. <i>*wes</i>	мн. ч. перфекта <i>*-wā</i> ?

То есть индоевропейский личный показатель **we-* обнаруживается в местоимениях и глагольных формах:

- а) только двойственного числа в славянских и балтийских;
- б) только множественного числа в анатолийских (при отсутствии дуалиса в языке в целом);
- в) в обоих этих числах в индоарийских, иранских, германских и тохарских.

Таким образом, единственным языком, где *we-* не засвидетельствовано в двойственном числе, является хеттский, где этого числа не существовало вовсе. Так как существует множество языков, где **we-* функционирует в дуалисе и плюралисе, или же только в дуалисе, но нет ни одного, где он был бы только в плюралисе, можно считать доказанным, что первоначальным значением основы было именно значение двойственности, позже перенесенное на множественное число. И возражение о том, что морфологическое двойственное число, как полагают, развилось в индоевропейском только после выделения анатолийских диалектов, здесь не играет роли: значение двойственности может выражаться в языке синтаксически, причем очень тривиально: с помощью числительного «два».

Противопоставление показателей 1 л. во множественном и двойственном числах номинатива **me*, **ne/o* и **we-* по-разному объясняется в современных исследованиях. Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 254] считают **we-* инклюзивной основой – отсюда сдвиг на значение двойственного числа, – при этом **ne/o-* рассматривается как эксклюзив. Однако ни то, ни другое значение в индоевропейском языке не может быть реконструировано по причине тотального отсутствия категории инклюзивности/эксклюзивности в индоевропейских языках. К тому же в этом случае игнорируется местоимение множественного числа от показателя **me*, что, конечно, недопустимо, так как оно тоже имеет индоевропейское происхождение. А включение его в парадигму сделало бы ее абсолютно несистемной, так как значение третьего местоимения ‘мы’ объяснить довольно сложно.

Обычно считается, что индоевропейское местоимение **wes* могло быть стандартной формой номинатива множественного числа, вытесненного в ряде языков (напр., итальянских и тохарских) косвенной основой **ne/o*, а в ряде других (балтийском, славянском и армянском) – основой ед. ч. **me* с частицей плюральности **-s*.

Однако более логично было бы вслед за О. Семереньи [Семереньи 1980: 232–234] придать **we-* «вторичный и неместоименный характер», справедливо указав на одну важную его особенность: эта лексема существует и во втором лице двойственного и множественного числа: местоимение 2 л. мн. ч. **we-/wo-* ‘вы’ восстанавливается для индоевропейского праязыка. Нам, таким образом, приходится иметь дело с корнем местоимений, выражающих значения и первого, и второго лица, причем общим значением при этом является значение не-единственного числа.

Если мы будем искать лексические источники происхождения индоевропейского местоимения двойственного числа, то логичнее всего предположить, что изначальное значение этого показателя парности в индоевропейском – числительное «два», употреблявшееся в качестве синтаксического маркера еще до создания в праязыке морфологического маркирования категории дуалиса. Позже числительное распространилось на формы множественного числа с расширением плюральными частицами **-i-* и **-s*.

Подобная типологическая модель – употребление числительного «два» для обозначения двойственного числа с его последующей грамматикализацией в качестве личного местоимения – имеет типологические параллели в языках мира. Так, в североамериканских языках группы миуок в качестве личного местоимения дв. ч. закрепилось старое числительное **?oti-* 'два': ср. бodega-миуок *?óc.i* 'мы двое', юж. сьерра-миуок *?oti.me-* 'мы двое', где *-me* является аффиксом 1 л. мн. ч., присоединенным для различения формы дв. ч. от другого местоимения *?oti.c.i-* 'я, ты и он' [Callaghan 1974: 385–386].

Переход местоимения дв. ч. в сферу множественного числа с добавлением плюрального аффикса – также распространенное типологическое явление. В нганасанском языке местоимения мн. ч. системно образуются от местоимений дв. ч. с помощью добавления суффикса *-ŋ* (*mi* 'мы двое' – *miŋ* 'мы' и т.д.). Аналогичный пример засвидетельствован в южноамериканском языке дамана (семья чибча): *nabi* 'мы двое' – *nabi-nyina* 'мы'; *tabi* 'вы двое' – *tabi-nyina* 'вы' и т.д. Эти и другие примеры приводит М. Сисоу [Cysouw 2003: 195–199].

Помимо типологической, для подобной гипотезы существует надежная фонологическая база. В.М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1976: 54], поддержавший точку зрения о происхождении индоевропейского **we-* из форм дуалиса, ориентируется на более ранние доводы А. Кюни в пользу рассмотрения **we-* как морфемы со значением «два» [Cuny 1924].

Ряд рефлексов этого числительного в индоевропейском показывают, что в праязыке существовал не только надежно реконструируемый корень **dwō* [Pokorny 1959: 228–232], но и его алломорф с анлаутным **w-*. Можно сравнить лат. *vīginti* 'двадцать', греч. эол. *ἑῖκοσι*, арм. *k'san*, ирл. *fiche*, тох. А *wiki* < **wi-dkmti* [Тронский 2001; Бурлак 2000: 257], галл. этнонимы *Vo-corii* и *Vo-contii* (ср. *Tri-corii*), тох. А *wi*, *we*, В *wi* 'два', др.-инд. *u-bhau* 'оба', а также, возможно, др.-инд. *vi-* 'раздельно, надвое' [Walde, Hoffmann 1938: 789]. Эти данные никак нельзя назвать диалектными – они относятся ко всей индоевропейской общности и позволяют реконструировать несколько вариантов анлаута в лексеме «два» на праязыковом уровне.

На основании значительного фонетического расхождения между различными рефлексами начального согласного индоевропейского числительного «два» Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов делают попытку реконструировать специфическую праязыковую фонему – «глоттализированную дентальную с признаками лабиализации» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 133]. Впрочем, других надежных лексем, подтверждающих существование этой фонемы, авторы не представляют. В другом своем исследовании Вяч.Вс. Иванов склонен постулировать фонетический переход **dw- > *w-* [Иванов 1981: 20], сравнивая глагольное окончание дв.-мн. ч. на **-w-* с падежным окончанием им. п. дв. ч. имени в лексемах типа др.-инд. *pādaui* 'обе ноги', и.-е. **ok'tō-u* 'восемь'. Сходство данного именного показателя дуалиса с рассмотренными выше местоименными и глагольными формами заставляет предположить их генетическое родство между собой и общее происхождение.

Приведенные данные еще раз подтверждают гипотезу: в индоевропейском существовал аллофон лексемы **dwe-* / **dwo-* с анлаутным **w-* и значением «два, двое», значение которой позже трансформировалось в «мы двое», «вы двое».

Гипотеза об индоевропейском новообразовании личного местоимения **we-* косвенно подтверждается и тем, что его внешние связи в ностратических языках не прослеживаются.

Реконструируемое А.Б. Долгопольским ностратическое личное местоимение **wVyV* 'мы' [ND 2008: 2555], из которого автор выводит индоевропейские формы, не

находит надежных параллелей в других языках семьи. В качестве его рефлексов привлекаются данные афразийских южно-омотских языков, для которых вряд ли возможно предположить надежную праафразийскую реконструкцию (древнеегипетскую форму зависимого местоимения 1 л. ед. ч. *wu* сам же А.Б. Долгопольский помечает как более чем сомнительную с точки зрения происхождения). Указывается также на *w-* в картвельской форме личного и притяжательного местоимения 1 л. мн. ч. **čwen-*, происхождение анлаутного *č-* в которой до сих пор вызывает серьезные разногласия. При анализе родственных сванских форм *gu-šgwej* и *ni-šgwej* с префиксами 1 л. мн. ч. инклюзива/эксклюзива становится понятно, что форма **čwen-* была нейтральна по отношению к этой категории [Климов 1964: 219–220]. Конечно, южно-омотских и индоевропейских данных, мягко говоря, недостаточно для реконструкции общеностратической морфемы.

Другие исследователи ностратических языков не склонны постулировать для ностратического праязыка существования местоименного корня на **w-*.

Представляется, что индоевропейский личный показатель **we-* является не ностратическим наследием, а индоевропейской инновацией и скорее всего восходит к числительному «два», применявшемуся в индо-хеттский период в качестве синтаксического маркера двойственности местоимений (затем и множественности), а в собственно индоевропейский период послужившему основой нового показателя дв. ч. в имени, местоимении и глаголе, распространившегося позже на формы множественного числа. По замечанию И.М. Тронского, «двойственное число индоевропейских языков... в известной мере тяготеет к множественному; в корневой оппозиции супплетивных личных местоимений корню единственного противостоит общий корень двойственного и множественного» (цит. по [Иванов 1981: 20]).

По-видимому, могут быть найдены изначальные полноточные лексемы, послужившие источниками происхождения и других индоевропейских и ностратических личных местоимений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андронов 1994 – М.С. Андронов. Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1994.
 Бабаев 2008 – К.В. Бабаев. Происхождение индоевропейских показателей лица. Исторический анализ и данные внешнего сравнения. М., 2008.
 Баскаков 1981 – Н.А. Баскаков. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
 Бурлак 2000 – С.А. Бурлак. Историческая фонетика тохарских языков. М., 2000.
 Бюлер 2000 – К. Бюлер. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 2000.
 Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–3. М., 1984.
 Гранде 1998 – Б.М. Гранде. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1998.
 Дьяконов 1967 – И.М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
 Дьяконов 1991 – И.М. Дьяконов. Афразийские языки. Кн. I. Семитские языки. М., 1991.
 Иванов, Поливанов 2001 – А.И. Иванов, Е.Д. Поливанов. Грамматика современного китайского языка. М., 2001.
 Иванов 1981 – Вяч.Вс. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: индоевропейские истоки. М., 1981.
 Иллич-Свитыч 1971–1976 – В.М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1–2. М., 1971–1976.
 Климов 1964 – Г.А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
 Красухин 2004 – К.Г. Красухин. Аспекты индоевропейской реконструкции. М., 2004.
 Леонтьев 1974 – А.А. Леонтьев. Папуасские языки. М., 1974.
 Майтинская 1964 – К.Е. Майтинская. Местоимения в мордовских и марийских языках. М., 1964.
 Майтинская 1969 – К.Е. Майтинская. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
 Майтинская 1974 – К.Е. Майтинская. Местоимения и универсалии // Универсалии и типологические исследования. М., 1974.
 Мещанинов 1945 – И.И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М., 1945.

- Орел 1990 – В.Э. Орел. К происхождению личных местоимений в семито-хамитском // Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе. Конференция памяти В.М. Иллич-Свитыча. М., 1990.
- Палмайтис 1972 – Л. Палмайтис. Личные местоимения в связи с вопросом реконструкции бо-реальной грамматической системы // Материалы Конференции по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1972.
- Парфионович 1970 – Ю. Парфионович. Тибетский письменный язык. М., 1970.
- Рамстедт 1957 – Г.И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Савченко 1960 – А.Н. Савченко. Проблема происхождения личных окончаний глагола в индоевропейском языке. Ростов-на-Дону, 1960.
- Семереньи 1980 – О. Семереньи. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Серебреников 1970 – Б.А. Серебреников (ред.). Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М., 1970.
- Суник 1978 – О. Суник. Местоимения 'сам', 'свой' и их морфологические дериваты в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. М., 1978.
- Тронский 2001 – И.М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). М., 2001.
- Хакулинен 1953 – Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка. Ч. 1. М., 1953.
- Adams 1988 – D. Adams. Tocharian historical phonology and morphology. New Haven, 1988.
- Beekes 1995 – R. Beekes. Comparative Indo-European linguistics: an introduction. Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Bender 2000 – L.M. Bender. Comparative morphology of the Omotic languages. Munich, 2000.
- Benveniste 1956 – E. Benveniste. La nature des pronoms // M. Halle, H.G. Lunt (eds.). For Roman Jakobson. Hague, 1956.
- Benveniste 1971 – E. Benveniste. Problems in general linguistics. Miami, 1971.
- Blažek 1995a – V. Blažek. Indo-European personal pronouns (1-st and 2-nd persons) // Dhumbadji! Journal for the history of language. 2–3. 1995.
- Blažek 1995b – V. Blažek. The microsystems of personal pronouns in Chadic, Compared with Afroasiatic // D. Ibriszymow, R. Leager (eds.). Chadica et Hamito-Semitica. Köln, 1995.
- Bomhard 2003 – A. Bomhard. Reconstructing Proto-Nostratic. Charleston, 2003.
- Bopp 1833 – F. Bopp. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Gotischen und Deutschen. Berlin, 1833.
- Brugmann 1904 – K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Heidelberg, 1904.
- Brugmann, Delbrück 1916 – K. Brugmann, B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Heidelberg, 1916.
- Cain, Gair 2000 – B. Cain, J. Gair. Dhivehi (Maldivian) // Languages of the World. Munich, 2000.
- Callaghan 1974 – C.A. Callaghan. Increase in morphological complexity // Proceedings of the 11-th International congress of linguistics. Bologna, 1974.
- Campbell, Poser 2008 – L. Campbell, W. Poser. Language classification. History and method. Cambridge, 2008.
- Cooke 1968 – J.R. Cooke. Pronominal reference in Thai, Burmese and Vietnamese // University of California publications in linguistics. 52. 1968.
- Cuny 1924 – A. Cuny. Études prégrammaticales sur le domaine des langues indo-européennes et chamito-sémitiques. Paris, 1924.
- Cysouw 2003 – M. Cysouw. The paradigmatic structure of person marking. Oxford, 2003.
- Dolgopolsky 1984 – A. Dolgopolsky. On personal pronouns in the Nostratic languages // Linguistica et philologica. Gedenkschrift für B. Collinder / Hrsg. von O. Geschwantier et al. Vienna, 1984.
- Durie 1985 – M. Durie. A grammar of Acehnese. Cinnaminson, 1985.
- Forcheimer 1953 – P. Forcheimer. The category of person. Berlin, 1953.
- Greenberg 2000 – J. Greenberg. Indo-European and its closest relatives: The Eurasiatic language family. V. 1: Grammar. Stanford, 2000.
- Heine, Kuteva 2007 – B. Heine, T. Kuteva. The genesis of grammar. A reconstruction. Oxford, 2007.
- Heine, Reh 1984 – B. Heine, M. Reh. Grammaticalization and reanalysis in African languages. Hamburg, 1984.
- Helmbrecht 1996a – J. Helmbrecht. On the grammaticalization of 1-st and 2-nd person pronominal affixes in North American Indian languages // Proceedings of the Berkeley linguistic society. 22. Berkeley, 1996.

- Helmbrecht 1996b – *J. Helmbrecht*. The syntax of personal agreement in East Caucasian languages // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2. 1996.
- Helmbrecht 2004 – *J. Helmbrecht*. Personal pronouns – form, function and grammaticalization. Erfurt, 2004.
- Howe 1996 – *S. Howe*. The personal pronouns in the Germanic languages: A study of personal pronoun morphology and change in the Germanic languages from the first records to the present day. London, 1996.
- Ishiyama 2008 – *O. Ishiyama*. Diachronic perspectives on personal pronouns in Japanese. Diss. State University of New York, Buffalo, 2008.
- Jacobson 1962 – *R. Jakobson*. Selected writings. V. 1. The Hague, 1962.
- Jones 1998 – *R. Jones*. The Boko/Busa language cluster. Munich, 1998.
- Krause 1955 – *W. Krause*. Zur Entstehung des lateinischen -ui und -vi Perfekts // *Corolla linguistica*. Wiesbaden, 1955.
- Laycock, Z'Graggen 1975 – *D.C. Laycock, J. Z'Graggen*. The Sepik-Ramu phylum // *S.A. Wurm* (ed.). Papuan languages and the New Guinea linguistic scene. Pacific Linguistics. Series C. № 38. Canberra, 1975.
- Lehmann 1995 – *C. Lehmann*. Thoughts on grammaticalization: a programmatic sketch. Munich, 1995.
- Maynor 2000 – *N. Maynor*. Battle of the pronouns: Y'all versus you-guys // *American speech* 75. № 4. 2000.
- Mayrhofer 1996 – *M. Mayrhofer*. Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. II. Heidelberg, 1996.
- Meriggi 1980 – *S. Meriggi*. Schizzo grammaticale dell'anatolico // *Memorie, Classe di Scienze morali, storiche e filologiche*. Ser. 8. V. 24, fasc. 3. Roma, 1980.
- ND 2008 – *A. Dolgopolsky*. Nostratic dictionary. Cambridge, 2008.
- Nichols, Peterson 1996 – *J. Nichols, D.A. Peterson*. The Amerindian personal pronouns // *Language*. 1996. 72. № 2.
- Pokorny 1959 – *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Rédei 1988 – *K. Rédei* (ed.) Uralisches etymologisches Wörterbuch. Wiesbaden, 1988.
- Schlegel 1808 – *K.W.F. Schlegel*. Über die Sprache und Weisheit der Indier. Köln, 1808.
- Schleicher 1861–1862 – *A. Schleicher*. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1861–1862.
- Schmidt 1984 – *G. Schmidt*. Lat. *amavi, amasti* und ihre indogermanische Grundlagen // *Glotta*. Bd. 63. 1984.
- Schulze 1998 – *W. Schulze*. Person, Klasse, Kongruenz. München, 1998.
- Shibatani 1990 – *M. Shibatani*. The languages of Japan. Cambridge, 1990.
- Siewierska 2004 – *A. Siewierska*. Person. Cambridge, 2004.
- Solnit 1997 – *D.B. Solnit*. Eastern Kayah Li: Grammar, texts, glossary. Honolulu, 1997.
- Szémerenyi 1990 – *O. Szémerenyi*. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. Darmstadt, 1990.
- Topping 1973 – *D.M. Topping*. Chamorro reference grammar. Honolulu, 1973.
- Voorhoeve 1982 – *C.L. Voorhoeve*. The West Makian language, North Moluccas, Indonesia: a field report // *C.L. Voorhoeve* (ed.). The Makian languages and their neighbours. Pacific Linguistics, D-46. Canberra, 1982.
- Walde, Hoffmann 1938 – *A. Walde, J.B. Hoffmann*. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1938.
- Watkins 1969 – *C. Watkins*. Indogermanische Grammatik. Bd. III: Formenlehre. Heidelberg, 1969.